

БАКУ
(Вечерний выпуск)
г. Баку

14 ЯНВ 1967

От Базилио до Бориса...

«**Б**ОРИС, Борис, все перед тобой трепещет...» Эти слова можно отнести не только к историческому лицу, герою трагедии и оперы, но и к самой партии Бориса, которая и по сей день является вершиной басового репертуара. Перейти рубеж этой роли — значит позволить себе сказать: «Я могу...». А затем требовать уне: «Я должен!».

Именно поэтому долгожданная премьера оперы «Борис Годунов», в театре имени М. Ф. Ахундова, тепло встреченная публикой, вновь привлекла наше внимание к Валерию Курбанову и к его творческому пути.

Любопытен путь певца к Борису. Мог ли 12-летний мальчик, школьник, впервые вышедший в хоре на школьную сцену, предполагать, что всего через шесть лет на смотре художественной самодеятельности в Москве в 1956 г. он получит диплом первой степени и будет рекомендован для поступления в Московскую консерваторию? Шесть лет для певца в раннем возрасте это много, а для мальчика так незаметно. А ведь дипломированные номера были серьезны и трудны: ария Сусанина и знаменитая своим раздольем и силой «Эй, ухнем!».

Первый успех, первые надежды, новые силы, новые горизонты, и вот Валерий сначала на подготовительном годовом, а затем и основном первом курсе Московской консерватории в классе профессора Батурина.

Первой крупной партией Валерия Курбанова стала всеми любимая роль Базилио из «Севильского цирюльника» Россини. Можно с уверенностью сказать, что певец в содружестве вначале с народным артистом Советского Союза С. Лемешевым, а затем с народным артистом Азербайджанской ССР Ш. Бадалбейли удивил зрителей новым «влюбленным» Базилио. Это было свежо и оригинально.

Проникновение в интонационную среду музыкального образа у Курбанова всегда связано с поисками выразительных, характерных деталей их воплощения.

Список ролей медленно, но верно начинает расти. Курбанов — Дулькамара, Курбанов — Фьорелло, Курбанов — Мельник, Курбанов — Мефистофель и т. д. И в каждой роли, уже знакомой в исполнении других певцов, найдено что-то свое в характере, в гриме, в интерпретации. Курбанов — внимательный и вдумчивый последователь классических образов творческого подхода к новой роли.

В исторической ли, в жанровой ли опере, всегда вначале за основу берется эпоха избранной партии. Затем, конечно, непосредственное изучение всей оперы в целом. Мы не отрицаем Америкки, утверждая, что только тогда можно найти что-то свое, когда обратиться к бесценному наследию прошлого и настоящего. Курбанов слушает, сравнивает, изучает, анализирует, синтезирует, вживается в образ — он использует колористические нюансы для раскрытия стилистических особенностей композиторов различных эпох и национальных школ. И вот элементы прежде

это умный человек, утонченно подходящий к миру ощущений и чувств, безупречно честный и порядочный. Он чем-то сродни самому Онегину, подобно ему, он критически относится к обществу, в котором вынужден бывать. Греммин прекрасно понимает, что его ранение — предмет снобистского восхищения высшего света, и этого внимания не избежать. В таком плане звучит величественная ария «Онегин, я скрывать не стану...». В таком же направлении идет Курбанов, совершенствуя искания партии Греммина. То генерал его с лицом, изборожденным морщинами, и сединой, а вот уже он намечает шрам или повязку на лице, что более отражает причину отношения света и его собственные заслуги.

Не обошел певец упорным вниманием и партию Дулькамары из «Любовного напитка» Доницетти. Сама по себе вся опера трудна для пения, требует отличной фразировки, но, тем не менее, благодатна для распева голоса. Может быть, именно поэтому Курбанов об-

душе...» В чем разница? А в том, что трагедия Бориса — в падении с высоты. Подобно другим литературно-историческим героям — Макбету, Ричарду III, Меншикову, он любыми средствами сметал все препятствия на пути к «высшей власти», трону, а достигнув цели, почувствовал себя одиноким. В этих страданиях, в этой скорби мы и находим прощение Борису. Исходя из таких соображений, Курбанов и создал образ, отличный от образа, сотворенного его великим предтечей.

Следует отметить единство вокально-сценического образа Бориса, где Курбановыми были использованы все средства выразительности своего голоса.

Казалось бы, с успехом Бориса можно было поставить точку. Но он продолжает неустанно работать. И певца уже заметили. Ему доверили класс в Азербайджанской консерватории. Он представляет Советский Азербайджан в Турции, в Югославии в 1965 году, и дважды — в 1962 и 1966 гг. — в Германской Демократической Республике. Особенно интересны поездки в Турцию и вторично в ГДР. Предполагалось исполнить 3—4 песни, а исполнялось 15—20 номеров. Зал вмещал 4 тысячи зрителей, а в действительности набивалось до 7 тысяч. Зрители были в восторге!

Такой же успех в ГДР. 49-ю годовщину Октября Курбанов встречал в советском посольстве ГДР в присутствии многочисленных представителей дипломатического корпуса и Вальтера Ульбрихта. Здесь певец вдохновенно исполнил свои любимые арии из «Севильского цирюльника» и «Фауста» и романс К. Караева «Я вас любил»...

В 50-ю годовщину Октября Валерий Курбанов вступил с большими планами. Надо отшлифовать уже созданные образы и работать над юбилейной постановкой оперы «В бурю» Т. Хренникова.

У 28-летнего солиста театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова Валерия Курбанова есть все необходимые качества, определяющие его дальнейший творческий рост: богатый красками голос, артистичная внешность, подлинная музыкальность, простота и выразительность сценического выражения. И зная, как серьезно относится Валерий Курбанов к каждому своему выступлению, мы твердо можем надеяться, что скоро встретим еще более совершенными образы его героев знакомого и незнакомого оперного репертуара.

Виктор ПЕТРОВ,
Анатолий КЕТЕЛЬМАХЕР.

ВАЛЕРИЙ КУРБАНОВ В РОЛИ БОРИСА ГОДУНОВА.

Знакомьтесь — ТВОРЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

неучтенного, неоттененного в деталях роли ныне выступают перед нами. Так создается оно, хрупкое, порой несовершенное, но отработываемое в ходе репетиций и слептантлей, СВОЕ: собственный взгляд на вещи, собственная точка зрения на роль и ее исполнение. И то же самое происходит с гримом. Отшлифовывается он не в начале, не в середине и не в конце. Приятно видеть, что певец и сам не знает, какой грим он наложит в следующий раз: какая-то характерная мелочь приходит за пять-десять минут до поднятия занавеса. Иной жест гармонично совпадает с образом уже прямо на сцене и войдет в копилку средств отображения певцом исполняемой партии. И так непрерывно в течение всей творческой деятельности этот постоянно напряженный, скрупулезный труд.

Мы порой сами себя ограничиваем канонически созданным в воображении образом. Не таков певец. Для него смысл — в постоянных превращениях. Работа Курбанова — это упорный процесс созидания. Возьмем любую из его ролей — и мы увидим вариации характера и грима. Вот, например, Греммин. С точки зрения певца,

раздается к партии Дулькамары с особым, мы бы сказали, даже ревнивым вниманием. Упражняться, вживаться, оттачивать образ и партию приходится тщательно и долго. Еще и теперь Курбанов думает изменить в ней кое-что. И, вот Мефистофель — роковой подступ к вершине — Борису. Эта партия по силам лишь мастерам опытным, уверенным в своих силах. Курбанов, надо отдать ему должное, обратил на эту партию внимание, еще будучи в консерватории. Именно поэтому подспудный процесс творческой отшлифовки помог ему срочно подготовить роль за считанные дни до премьеры — и мы можем уверенно сказать, что он не обманул надежд зрителей.

И, наконец, Борис. Не трепещи, но с понятным волнением приступил он к изучению этой партии. Пожалуй, более трудной задачи певец себе не ставил. И дело уже не только в изучении эпохи и ее колорита. Дело и в ином подходе к образу. Известно, что Ф. И. Шалапин ключом к Борису взял слова «Скорбит душа...». Курбанов обратил внимание на другое: «Достиг я высшей власти, но счастья нет моей измученной